

Информация об авторах

Дугаров Владимир Доржиевич — доктор исторических наук, профессор, Бурятский государственный университет, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, e-mail: dugarovbgu@mail.ru.

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

Authors

Dugarov Vladimir Dorzhievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Buryat State University, 24a, Smolin Str., 670000, Ulan-Ude, e-mail: dugarovbgu@mail.ru.

Kuras Leonid Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova Str., 670047, Ulan-Ude, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

УДК 94(517)+303.446

Л.В. КУРАС

ББК 72(2Рос.Бур)

МОНГОЛИЯ ПОСЛЕ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1911–1913 ГОДОВ: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ*

Статья посвящена современной историографии истории Монголии после Синьхайской революции (1911–1913) в Китае, ставшей отправной точкой монгольской государственности, на примере работ российских и монгольских исследователей, опубликованных в монографиях, сборниках статей и материалах научных конференций.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Китай, Маньчжурия, династия Цин, Синьхайская революция, монгольская государственность, И.Я. Коростовец, Богдо Жавзандамба-хутухта.

L. V. KURAS

THE XINHAI REVOLUTION OF 1911–1913 AND MONGOLIA: CONTEMPORARY RUSSIAN AND MONGOLIAN HISTORIOGRAPHY

The article analyzes the contemporary historiography of the Xinhai Revolution (1911–1913) in China, the starting point of Mongolian statehood.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии» № 14-18-00552.

Russian and Mongolian monographs, edited volumes and proceedings of scientific conferences are analyzed.

Keywords: Russia, Mongolia, China, Manchuria, Qing dynasty, Xinhai Revolution, Mongolian statehood.

История современной Монголии — неотъемлемая часть мировой истории. Она тесно связана с историей России и Китая, с революционными изменениями, которые произошли в этих странах в начале XX в. Особую роль в становлении монгольской государственности сыграла Синьхайская революция 1911–1913 гг. Российские и монгольские исследователи уделяют этому событию значительное внимание, выделяя следующие аспекты: 1) Синьхайская революция и провозглашение независимости Монголии; 2) русско-монгольское Соглашение 1912 г. и русско-китайская Декларация 1913 г.; 3) Тройственное Кяхтинское Соглашение 1915 г.; 4) роль И.Я. Коростовца и VIII Богдо Джебцзундамба-хутухты в становлении Монгольского государства.

Синьхайская революция и провозглашение независимости Монгольского государства

Особый интерес представляют русско-китайские отношения через призму монгольского вопроса. Так, в монографии Е.А. Белова подчеркивается, что к 1911 г., ко времени Синьхайской революции, русско-китайские отношения приобрели напряженный характер, особенно после поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. [15, с. 3]. В этот период в Китае проводилась военная реформа, шло интенсивное железнодорожное строительство с привлечением иностранного капитала, строился военный флот, в широких масштабах проводилась колонизация Внутренней Монголии и Маньчжурии. Не случайно в правительственных и общественных кругах России видели в Китае реальную военную угрозу и потому царское правительство намерено было принять превентивные меры. Поэтому, когда в декабре 1911 г., во время начавшейся в Китае революции, халхаские князья и высшие ламы провозгласили независимость Монголии и взяли курс на создание из Северной и Западной Монголии буферного государства. Исследователь отмечает, что царскому правительству удалось решить эту задачу, когда в 1915 г. по русско-китайско-монгольскому Соглашению, подписанному в Кяхте, Внешняя Монголия (Халха и Кобдоский округ) получила широкую автономию, официально оставаясь в составе Китая. Однако монгольские ученые О. Батсайхан и Ж. Урангуа рассматривают события в Монголии не как следствие китайской революции, а как самостоятельное явление, что не соответствует реальному ходу исторических событий и принижает заслуги российской дипломатии, которая много сделала для возникновения монгольской государственности и выступала ее гарантом [5, с. 133–134; 6, с. 51; 36; 42]. Поэтому коллектив авторов «Истории Монголии. XX век» подчеркивает: «В июле

1911 г., когда происходил крах Маньчжурской империи... в Урге во главе с Джебзундамба-хутухтой состоялось тайное совещание 18 наиболее влиятельных князей, на котором... было принято решение воспользоваться благоприятной обстановкой начавшейся в Китае революции для провозглашения независимости страны» [19, с. 28]. С ними созвучно и мнение автора диссертации, дополнившей российскую историографию [11, с. 3]. В сборнике документов, подготовленном Л. Дэндэвом, указывается на то, что причина провозглашения независимости Внешней Монголии лежала в бедственном положении империи, о чем зимой 1911 г. сообщалось телеграммой маньчжурскому правительству [35, с. 27–35]. По оценке Е.А. Белова «вместе с загнивающей империей Цин Монголия катилась в пропасть» и «оказалась наиболее слабым звеном империи» [13, с. 28].

Современная российско-монгольская историография созвучна в оценке сути свержения цинской монархии, что поставило перед Монголией задачу формирования новых общественно-политических структур и построения новых государственных отношений. 29 декабря 1911 г. прошла церемония возведения Богдо-гэгэна на государственный престол. Монголы провозгласили его правителем-ханом Монгольского государства [9, с. 122], что означало образование независимого государства. Тем самым, следует отметить интерес российских специалистов к истории Синьхайской революции. Хотя революция в Китае через призму образования Монгольского государства представлена в российской историографии крайне слабо. В монгольской историографии эта проблема еще не стала объектом пристального внимания.

Русско-монгольское Соглашение 1912 г. и русско-китайская Декларация 1913 г.

Монгольское государство, возникшее как результат революции в Китае, до 1915 г. не получило международного признания и оставалось непризнанным суверенным государством, осуществлявшим самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику и выступавшее де-факто субъектом международных отношений. При этом она находилась в экономической и политической зависимости от России. Этим и объясняется тот факт, что в современной монгольской и российской историографии важные дипломатические шаги, предпринятые Россией после революции в Китае и вылившиеся в подписание русско-монгольского Соглашения 1912 г. и русско-китайской Декларации 1913 г., не имеют должного отражения. Указанные дипломатические акты получили серьезную оценку в публикациях Е.А. Белова [14–16], Н. Ариунгуа [1], Ц. Батбаяра [4] и О. Батцайхана [5], Н. Хишигт [29], хотя упоминаются и в других публикациях. Так, Е.А. Белов акцентирует внимание на том, что царское правительство решило «взять монгольский вопрос полностью в свои руки и самому вести переговоры по нему с Китаем непосредственно»

[15, с. 56, 57]. То есть, Россия проводило собственную политику с целью «утвердить там свое безраздельное влияние». Что касается «защиты интересов монгольских феодалов», то «она занимала второстепенное место в политике царизма». Хотя требования российской дипломатии по отношению к Пекину «не вводить в Халху китайские войска, не колонизировать ее земли и не устанавливать в ней китайскую администрацию, безусловно, были в интересах монголов» [15, с. 57].

Позиция современной монгольской историографии в освещении этой проблемы созвучна с российской историографией. Так, О. Батсайхан подчеркивает, что «когда... Китай, свергнув маньчжурское иго, претендовал на роль правопреемника маньчжурского государства, перед монголами стояла задача сохранения и защиты своей приобретенной в результате всеобщего подъема национально-освободительной борьбы независимости, прежде всего, через ее признание соседними государствами» [5, с. 34]. И хотя Россия предпринимала шаги, дабы «не ухудшить взаимоотношения с Китаем» «избегая прямого признания независимости Монголии», тем не менее, российская дипломатия дела конкретные шаги для подготовки Договора между Россией и Монголией. При этом исследователь конкретизирует, что подписанный в 1912 г. Договор о Дружбе между Россией и Монголией не просто определял характер отношений между странами, но и стал первым международным правовым документом, определявшим статус Монголии и имевшим важное значение для выхода страны на международную арену [5, с. 35].

В самом процессе подготовки и подписания 3 ноября 1912 г. Соглашения и Протокола к нему, авторы «Истории Монголии» подчеркивают, что решение этого вопроса зависело не только от России и Китая, но и от «других держав — Японии, США, Англии, Франции, Германии, не желавших... нарушения баланса сил, сложившегося в регионе Центральной Азии и Дальнего Востока, на пороге Первой мировой войны» [19, с. 37]. Причем, эти державы «поддерживали Китай в его противоборстве с Россией и Монголией и игнорировали неоднократные предложения богдохана и его правительства установить дипломатические и торговые отношения» [19, с. 37]. Поэтому в этих условиях именно Россия стала гарантом монгольского правительства «в деле сохранения институтов монгольской государственности, формирования вооруженных сил, недопущения китайской колонизации и ввода китайских войск» [19, с. 39]. Но, при этом акцентируется внимание на том, что «Китай, ввиду его непримиримой позиции, остался за рамками переговоров» [19, с. 39].

В своей монографии О. Батсайхан подчеркнул, что текст Соглашения был опубликован в США, Японии и других странах, а следом были опубликованы аналитические статьи, в которых документу давалась высокая оценка и утверждалось, что подписание Соглашения определило дальнейшие отношения между Монголией, Россией и Китаем [5, с. 139].

Есть еще один созвучный аспект российско-монгольской историографии — высокая оценка профессионализма Уполномоченного императорского Российского правительства в Монголии Я.И. Коростовца в подготовке и подписании Соглашения и виртуозность многоходовой комбинации, которая заложила будущие международные связи. Все это стало ударом для Китая, который по-прежнему имел намерения оставить Монголию под своей юрисдикцией. Это привело к подготовке и подписанию русско-китайской Декларации от 5 ноября 1913 г., которая также нашла отражение в современной российской и монгольской историографии. Следует подчеркнуть, что российская историография справедливо рассматривает Декларацию как продолжение Соглашения 1912 г., создавшее правовое поле для повышения статуса Монголии в системе международных отношений. Причем, согласованность действий позволили России и Монголии «успешно противостоять потенциально возможным японскому и американскому вариантам развития событий». Иначе Япония оттеснила бы Россию и осуществила бы влияние на Внешнюю и Внутреннюю Монголию и на весь Северо-Восточный Китай. При таком развитии событий легитимность монархии богдо-хана была бы сведена на нет и Монголия вернулась бы в «лоно» преемника Цинской империи — республиканского Китая «в статусе обычной китайской провинции» [19, с. 41]. Второй вариант означал однозначную ориентацию США на режим Юань Шикая, на принципы «открытых дверей» в отношении всего Китая. К этому следует добавить, что стремление Урги отвоевать у Китая Внутреннюю Монголию и начавшиеся боевые действия не имели никаких перспектив и потому не увенчались успехом. Е.А. Белов подробно рассматривает весь ход боевых действий, против которых решительно возражало царское правительство, соблюдая условия секретного русско-японского договора 1907 г. о разделе сферы влияния в отношении Китая [15, с. 91–92]. И дело даже не в том, что Россия ни материально, ни дипломатически нем поддержала Ургу в этом предприятии, а в явном военном превосходстве китайцев и отсутствии поддержки со стороны местного монгольского населения. Поэтому естественным ходом развития событий стало подписание 5 ноября 1913 г. русско-китайской Декларации, в соответствии с которой Внешняя Монголия (Халха и Кобдоский округ) получила широкую автономию в составе Китая, который сохранял над ней сюзеренитет [15, с. 97]. Но из-за непримиримости позиций сторон по монгольскому вопросу переговоры шли медленно и трудно. Но основная заслуга российской делегации, как подчеркивает Е.А. Белов, заключается в том, что в Декларации, хотя и «не упоминалось русско-монгольское Соглашение, но его содержание полностью вошло в текст этого документа» [15, с. 110].

Таким образом, современная российско-монгольская историография созвучна в оценке дипломатических шагов Российской империи как этапа будущего Тройственного Кяхтинского Соглашения 1915 г.

Тройственное Кяхтинское Соглашение 1915 г.

Определенная незавершенность дипломатических актов 1912 и 1913 г. поставила перед дипломатическими кругами России, Китая и Монголии задачу скорейшей подготовки тройственного акта, в котором можно было снять все имеющиеся политические противоречия. Подготовка и подписание такого Соглашения нашло широкое отражение в современной российской и монгольской историографии. Наше внимание современная историография акцентирует на том, что на конференции было представлено три готовых проекта, принципиально отличающихся друг от друга в трактовке статуса Монголии: китайский проект предполагал превращение Монголии в обычную провинцию Китая; российский проект исходил из идеи широкой автономии Монголии под сюзеренитетом Китая; монгольский проект отстаивал государственную независимость Монголии [18, с. 42]. Для объективной оценки важнейшего для Монголии и международного права дипломатического акта особую важность представляет монография монгольского ученого О. Батсайхана, в которой опубликованы протоколы всех заседаний тройственной конференции [31].

В современной российско-монгольской историографии анализируется весь ход восьмимесячных переговоров, которые увенчались победой российского варианта [5; 12; 14; 16; 17; 19; 20; 22; 23; 30]. Это стало «окончательным международно-правовым оформлением автономного статуса Монголии» [19, с. 42]. Кяхтинское Соглашение определило внутренний и международный статус Внешней Монголии, получившей широкую автономию с правом заключать экономические соглашения и договоры с иностранными государствами. Протокол 1912 г. и Соглашение 1913 г. были признаны как имеющие полную силу. Но будучи под контролем Российской империи, Монголия, фактически, могла заключить такие договоры лишь с Россией и Тибетом [15, с. 127; 19, с. 43].

Российско-монгольская историография дает высокую оценку итогам переговоров, хотя они в полной мере не отвечали требованиям монгольской стороны объединения Внешней и Внутренней Монголии. Тем не менее, это было наиболее оптимальным решением с точки зрения формирования благоприятной геополитической ситуации в регионе и для создания легитимной монгольской государственности. Поэтому представляется важной оценка деятельности российского дипломата, занимавшего пост директора Второго департамента МИД Российской империи барона Б.Э. Нольде, приведенной в исследовании Я.И. Коростовца: «Создание Монголии — одно из крупных дипломатических достижений императорской России» [21, с. XVIII].

Следует отметить еще один шаг российской дипломатии, сделанный при подготовке Кяхтинского Соглашения — присоединение к империи тюркоязычного ламаистского Урянхая, что было связано с определением линии прохождения российско-китайской границы. И

если в работе Я.И. Коростовца этот факт вызывает законную гордость [21, с. 259], то в современном российском монголоведении эта дипломатическая победа осталась за бортом научных интересов. Хотя, в первой четверти XX в. акция России стала причиной сближения Китая и Монголии и даже конфликта России и Монголии сразу же после победы монгольской революции 1921 г.

Личность в истории: роль И.Я. Коростовца и VIII Богдо Джебцзундамба-хутухты в становлении Монгольской государственности.

Российская и монгольская историография большое внимание уделяют особой роли Богдо-гэгэна VIII Джебцзундамба-хутухты [7; 9; 15; 31; 34; 35] и Уполномоченного императорского российского правительства в Монголии И.Я. Коростовца [2; 8; 10; 24; 25; 33], которые стояли у истоков нового государства и заложили основы российско-монгольских отношений в XX в.

Интерес к деятельности И.Я. Коростовца обусловлен опубликованием его многолетнего исследования по истории Монголии на русском языке [21], «Дневника русского уполномоченного в Монголии» [20], а также проведением в Улан-Баторе в 2013 г. международной научной конференции, посвященной деятельности российского дипломата. Среди выступлений на конференции можно выделить работы как российских (Е.И. Лиштованный, Л.В. Курас, Б.Д. Цыбенков), так и монгольских ученых (О. Батсайхан, Ц. Батбаяр, Н. Хишигт и др.). В то же время публикации в российской, и монгольской периодике о Джебцзундамба-хутухте, не считая небольшой главы в монографии Е.А. Белова [15], принадлежит лишь перу О. Батсайхана, хотя Богдо-гэгэн, несомненно, заслуживает большего внимания.

Есть и еще одно отличие в оценке современной историографией двух выдающихся личностей. Если долгое время личность И.Я. Коростовца была в забвении, что было обусловлено сменой общественно-политического строя и эмиграцией российского дипломата, то память о Джебцзундамба-хутухте, в соответствии с государственной идеологией, подвергалась шельмованию.

В современной российско-монгольской историографии дипломатическая деятельность И.Я. Коростовца получила научное освещение. Хотя, это касается лишь монгольского периода и тут первенство принадлежит О. Батсайхану, который смог ознакомиться с личным делом дипломата, находящимся на хранении в Архиве внешней политики Российской империи. Особый интерес представляет деятельность Я.И. Коростовца в качестве Уполномоченного Российской империи для ведения переговоров с монгольским правительством. Исследователи скрупулезно рассматривают весь период девятимесячного пребывания российского дипломата в Монголии. И в этой связи представляет интерес дневник Я.И. Коростовца, в материалах которого мы видим настоящего

профессионала, радеющего об интересах империи, стоявшего у истоков нового государства, знавшего проблему изнутри, влиявшего на ход исторических событий, а также ученого-аналитика, представившего уникальный материал по истории монголов начала XX в. [10, с. 82]. В этой связи интерес представляет выступление О. Бакич на конференции в Улан-Баторе, благодаря которой Дневник дипломата увидел свет на русском (2009) и на монгольском (2010) языке [2, с. 49–53]. Дневник дает возможность оценить Богдо-хана как государственного деятеля и лидера молодого государства, дипломатический такт, его окружение, быт, пристрастия и выявить отношение к нему русского дипломата. И здесь следует акцентировать внимание российских и монгольских ученых на том, что деятельность Я.И. Коростовца и Богдо-хана во многом неразделима, ибо именно они стояли у истоков современной Монголии и их деятельность привела к желаемому результату.

Таким образом, мы выявили общее и особенное в современной российско-монгольской историографии революции в Китае и ее воздействия на Монголию, которая созвучна, хотя и имеет некоторые разночтения, не принципиального характера, не влияющие на оценку и исследовательский интерес ученых в изучении истории Монгольского государства.

Список использованной литературы и источников

1. Ариунгуа Н. Русско-Монгольский договор 1912 года как подспудное начало независимости Внешней Монголии / Н. Ариунгуа // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. — Улаанбаатар хот, 2013. — С. 120–130.
2. Бакич О. История дневника И.Я. Коростовца / О. Бакич // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. — Улаанбаатар хот, 2013. — С. 49–52.
3. Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века / Ц. Батбаяр. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГАКИ, 2002. — 229 с.
4. Батбаяр Ц. Монгольско-российское соглашение 1912 года и некоторые вопросы о позиции Юань Шикая (1912 Оны монгол-оросын хэлэлцээр ба Юань Шикайн) / Ц. Батбаяр // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв.: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. — Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 128–133.
5. Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946) / отв. ред. В. Б. Базаров. — Иркутск; Улан-Удэ, 2014. — 384 с.
6. Батсайхан О. Национальная революция Монголии 1911 года: мечта графа Н.Н. Муравьева-Амурского и независимость Монголии / О. Батсайхан // Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии: материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол, 17–18 сент. 2014 г. — СПб. : Синэл, 2014. — С. 50–59.
7. Батсайхан О. Независимость Монголии 1911 года и Богд Хан / О. Батсайхан // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. — Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 156–160.

8. Батсайхан О. Уполномоченный императорского российского правительства в Монголии в августе 1912 — мае 1913 года Иван Яковлевич Коростовец / О. Батсайхан // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв.: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. — Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 161–170.

9. Батсайхан О. VIII Богдо Жавзандамба-хутухта — руководитель и отец Монгольской национальной революции 1911 г. / О. Батсайхан // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. — 2013. — № 3 (11). — С. 121–137.

10. Батсайхан О. Уполномоченный императорского российского правительства в Монголии в августе 1912 — мае 1913 г. Иван Яковлевич Коростовец / О. Батсайхан // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. — 2013. — № 3 (11). — С. 77–87.

11. Батунаев Э. В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.) / Э. В. Батунаев : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Улан-Удэ, 2013. — 23 с.

12. Белов Е. А. Баргинский вопрос в русско-китайских отношениях (1912–1915 гг.) / Е. А. Белов // Общество и государство в Китае : 23-я науч. конф. — Ч. 2. — М., 1991.

13. Белов Е. А. К истории русско-китайских отношений в период революции 1911–1913 гг. в Китае / Е. А. Белов // Общество и государство в Китае : 24-я науч. конф. — Ч. 2. — М., 1992.

14. Белов Е. А. Позиции России и Китая в отношении Монголии после провозглашения ее независимости (1911–1912 гг.) // Общество и государство в Китае : 23-я науч. конф. — Ч. 2. — М., 1991.

15. Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. — М. : ИВ РАН, 1999. — 239 с.

16. Белов Е. А. Русско-китайские отношения 1911–1915 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е. А. Белов. — М., 1993.

17. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX–XX вв. / Е. М. Даревская. — Иркутск, 1994.

18. Дугаров В. Д. Взаимоотношения России и Монголии в XVII — XIX: вопросы историографии / В. Д. Дугаров. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. — 258 с.

19. История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. — М. : ИВ РАН, 2007. — 448 с.

20. Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 г. / сост. О. Батсайхан / отв. ред. Н. Тацуо, О. Бакич. — Улан-Батор, 2009. — 440 с.

21. Коростовец И. Я. От Чингисхана до Советской республики (Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени) / И. Я. Коростовец. — Улан-Батор : Эмгэнт, 2004. — 560 с.

22. Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической жизни России (конец XIX — 30-е гг. XX вв.) / Ю. В. Кузьмин. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1997. — С. 35–36.

23. Кузьмин Ю. В. Позиция демократической интеллигенции России в «монгольском вопросе» после Синьхайской революции / Ю. В. Кузьмин // Общество и государство в Китае : 23-я науч. конф. — Ч. 2. — М., 1991.

24. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. О роли российского дипломата И.Я. Коростовца в становлении Монгольского государства / Л. В. Курас, Б.Д. Цыбенков // Мон-

гол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. — Улаанбаатар хот, 2013. — С. 143–155.

25. Лиштованный Е. И. Сибирь и Монголия в период деятельности И.Я. Коростовца / Е. И. Лиштованный // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. —Улаанбаатар хот, 2013. — С. 74–82.

26. Нефедов С. А. Концепция демографических циклов / С. А. Нефедов. — Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2007. — 141 с.

27. Урангуа Ж. Провозглашение независимости Монголии. Победа национально-освободительной революции 1911 г. / Ж Урангуа // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв.: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. — Улан-Батор ; Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 143–151.

28. Чудодеев Ю. В. Синьхайская революция и крах монархии в Китае / Ю. В. Чудодеев // Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации : Сборник статей. — М. : Институт востоковедения, 2013. — С. 23–33.

29. Хишигт Н. Монголо-Российские соглашения по вопросу об обучении монгольских врьск (1911–1919) / Н. Хишигт // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. — Улаанбаатар хот, 2013. — С. 83–93.

30. Батбаяр Ц. 1912 оны Монгол-Оросын хэлэлцээр ба Юань Шикайн байр суурьтай холбоотой зарим / Ц. Батбаяр // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. —Улаанбаатар хот, 2013. — С. 105–119.

31. Батсайхан О. Монголын суулчийн эзээн хаан Богд Жавзандамба хутанг: Амьдрал бв домог / О. Батсайхан // Последний император Монголии Богдо Жавзандамба-хутухту: Жизнь и легенда. — Улан-Батор, 2011.

32. Батсайхан О. Монголын тусчаар тогтнол ба хятад, орос, монгол гурван улсын 1915 оны хиагтын гэрээ (1911–1916) / О. Батсайхан. — Улан-Батор: 2002.

33. Батсайхан О. Монгол Оросын 1912 оны найрамдлын гэрээ ба И.Я. Коростовец / О. Батсайхан // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. — Улаанбаатар хот, 2013. — С. 143–155.

34. Батсайхан О. Монголын суулчийн эцээн хаан VIII Богд Жавзандамба хут-вг / О. Батсайхан. — Улаанбаатар, 2008.

35. Батсайхан О. 1911 оны үндэсний хувьсгал ба Монголын суулчийн эзэн хаан Богдо Жавзандамба хутагт / О. Батсайхан. — Улаанбаатар, 2008.

36. Дэндэв Л. XX зууны Монголын туухийн эх сурвалж (Автономит Монгол улсын уеийн онцлог баримт бичгууд) / Источники по истории Монголии XX в. Особые документы по периоду автономии Монголии / под ред. О. Батсайхана. — Улан-Батор, 2003.

Информация об авторе

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

Author

Kuras Leonid Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova Str., 670047, Ulan-Ude, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

УДК 004.9+929.5(571/54)

A.V. ПАШИННИН

ББК 73+63.2(Рос.Бур)

**ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ДАННЫХ
«КРЕСТЬЯНСТВО БУРЯТИИ»
КАК СПОСОБ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГЕНЕАЛОГИИ
КРЕСТЬЯНСКИХ РОДОВ (СЕМЕЙ)**

Рассмотрены исторические документы Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), позволяющие создать электронную базу данных периода конца XVII — начала XIX в. в целях исследования родословных истоков крестьянского, посадского, разночинского и прочего дореволюционного населения, проживавшего на территории современной Республики Бурятии (РБ).

Ключевые слова: окладные, именные и переписные книги, исповедные росписи, ревизские сказки, статистические и делопроизводственные источники, старожильческое и старообрядческое общества, родословные истоки, генеалогические исследования, родственные связи.

A.V. PASHININ

**ELECTRONIC DATABASE «THE PEASANTRY
OF THE REPUBLIC OF BURYATIA»
AS THE WAY FOR RECONSTRUCTION
OF GENEALOGY OF PEASANT FAMILIES**

In the article there were investigated the documents from the State Archive of the Republic of Buryatia which allowed to build the electronic database for the period from the end of XVII till the beginning of XIX cc. in an effort to investigate genealogical origins of the peasantry, trades people, the *raznochinets* and other pre-revolutionary population that occupied the territory of the modern Republic of Buryatia.

Keywords: church, registration and census books, census records, statistical and record-keeping sources, Old-Timer and Old Believer communities, genealogical origins, family ties.

Создание электронной информационной базы по проблеме «Крестьянство Бурятии» определили следующие факторы: